

прот. Виталий Головатенко
ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ — СЛАВЬТЕ!

Два певческих канона для праздника Рождества Иисуса Христа были сочинены в VIII веке двумя великими церковными поэтами-гимнографами вселенского Православия — Космой Маюмским и его братом Иоанном Дамаскиным. В соответствии с древневосточной богослужебной традицией, ирмосы первого канона (Космы Маюмского, иерусалимского Сладкопевца) исполняются задолго до самого праздника Рождества, уже со дня празднования Введения во Храм Пресвятой Богородицы (4 декабря по н. ст.). Так возникает таинственная символическая связь между событием Введения — началом подготовки Марии к Её будущей миссии, рождению Спасителя, — и Рождеством Христа, осуществлением этой миссии.
КАНОН: от правúла до правúла

Изначально древнегреческое слово «канон» (ὁ κανών) означало критерий и норму всякого рода прямизны — линейку, отвес, ватерпас и т. п. В этом смысле в славянском языке ему соответствуют термины: правúло (‘руль’, ‘отвес’), мерúло¹ (‘мерный шест’). Со временем это же слово приобрело более широкое значение — ‘правило’, ‘норма’, ‘регламент’. В литургических памятниках V–VIII вв. словом «канон» обозначается также совокупность избранных текстов для чтения и пения на церковных службах².
песенный канон

В VII веке в Церкви начинает формироваться новый богослужебный жанр — канон песенный, или певческий, то есть определённое правило пения гимнов Священного Писания. Оно подразумевает исполнение девяти этих гимнов (а по-славянски — песней³) в соединении их с тропарями (от греч. ὁ τρόπος — ‘фигура речи’, ‘троп’, ‘поэтический оборот’) — поэтическими текстами, в которых идеи и образы каждого гимна интерпретируются в соответствии с темой празднуемого события. Комплекс библейского гимна в сочетании с тропарями получил наименование «песнь канона» (греч. ἡ ᾠδὴ τοῦ κανόνος).

В каждой из девяти песней канона связь с текстом библейского гимна обеспечивается посредством начального и главного тропаря песни — ирмоса́, который служит каноническим образцом (моделью) для исполнения остальных тропарей той или иной песни канона. Именно ирмос (от греч. ὁ εἶρμός — ‘сплетение’, ‘связка’) и увязывает содержание гимна с последующим рядом тропарей.

схема структуры песни канона

1-й стих библейского гимна

2-й стих библейского гимна

и так далее, по порядку...

стих библейского гимна

ирмос песни канона

предпоследний стих библейского гимна

1-й тропарь песни канона

последний стих библейского гимна

2-й тропарь

„Слава Отцу и сыну и Святому Духу“

3-й тропарь

„И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь“

4-й тропарь

ирмос песни канона (катавасия)

Таким образом, певческий (или гимнографический) канон представляет собой сложную музыкально-поэтическую композицию, в которой стихи древних библейских гимнов чередуются с новосочинёнными тропарями, воспевающими тот или иной христианский праздник или повествующими о жизни и трудах великих подвижников веры и благочестия — святых. Сегодня, как правило, во время исполнения канона стихи библейских гимнов не поются. Их заменяют короткими припевами (Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!, Пресвятая Богородице, спаси нас! и т. п.).

катавасия

Когда с течением времени песенный канон окончательно утвердился в богослужебном обиходе, ирмосы некоторых праздничных канонов были выделены в особые группы, образовав самостоятельный жанр — катавасию. Катавасией (от греч. ἡ κατάβασις — ‘схождение вниз’) они были названы потому, что для их торжественного исполнения в конце каждой песни канона певцы обоих церковных хоров (по-славянски — ликов) сходили со своих обычных мест и соединялись в один хор в середине храма.

ИРМОСЫ КАНОНОВ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Итак, рождественскую катавасию составляют ирмосы канона преподобного Космы Маюмского. На сочинение этого канона автора вдохновила праздничная проповедь одного из величайших отцов Церкви IV в. — святителя Григория Богослова, а именно — его «Слово на Богоявление или на Рождество Спасителя»⁴. Поэтическое начало этого Слова стало ирмосом первой песни канона:

Ὡδὴ α΄. Ὁ Εἰρμός

Χριστὸς γεννᾶται, δοξάσατε.
Χριστὸς ἐξ οὐρανῶν ἀπαντήσατε.
Χριστὸς ἐπὶ γῆς, ὑψώθητε.
Ἄσατε τῷ Κυρίῳ πᾶσα ἡ γῆ,
καὶ ἐν εὐφροσύνῃ,
ἀνυμνήσατε λαοί,
ὅτι δεδόξασται.

Христос раждается, славите:
Христос с небес, срящите:
Христос на земли, возноситеся:
пойте Господеви вся земля,
и веселием воспойте людие,
яко прославися. Христос рождается — славьте!
Христос (грядёт) с небес — встречайте!
Христос на земле — возноситесь (на небо)!
Пой Господу вся земля!
Люди, воспойте (Ему) в радости,
ибо Он прославился.

По закону жанра, как сказано выше, ирмос каждой песни канона должен быть тематически связан с поэтикой соответствующей песни Священного Писания. Первой библейской песнью считается победный гимн пророка Моисея „Поем Господеви, славно бо прославися...“ (Исход 15: 1–19). Таким связующим звеном в первом ирмосе оказывается его последний стих — яко прославися. Он совпадает с верховным образом пророческого гимна — Господом славы, некогда избавившем Свой народ от египетского рабства. Теперь же Господь со славой воплощается (рождается, как смертный человек, оставаясь Богом) для того, чтобы избавить всё человечество от рабства у греха.

Второй библейский гимн — обличительная песнь Моисея из книги Второзакония (32: 1–43). Она была воспета пророком по велению Бога в обличение прошлых и будущих тяжких прегрешений богоизбранного народа. В состав канона эта песнь включается только в периоды Великого поста и Пятидесятницы, а в остальное время канон состоит из восьми песней: 1, 3–9.

Песнь третья — это гимн Анны, матери пророка Самуила (1 Царств 2: 1–10). В ирмосе Космы Маюмского представлен центральный образ этого гимна — рог, древний библейский символ могущества, силы, достоинства:

Ὡδὴ γ΄. Ὁ Εἰρμός

Τῶ πρὸ τῶν αἰώνων,
ἐκ Πατρὸς γεννηθέντι ἀρρῆύστως Υἱῶ,
καὶ ἐπ' ἐσχάτων ἐκ Παρθένου,
σαρκωθέντι ἀσπόρως,
Χριστῶ τῶ Θεῶ βοήσωμεν·
Ὁ ἀνυψώσας τὸ κέραс ἡμῶν,
ἅγιος εἶ Κύριε.

Прежде век от Отца
рожденному нетленно Сыну,
и в последняя от Девы
воплощенному безсеменно,
Христу Богу возопиим:
вознесый рог наш,
свят еси Господи. Сыну, прежде (всех) времён
непостижимо рождённому от Отца,
а в последние (времена)
бессеменно воплотившемуся от Девы —
Богу Христу (так) воскликнем:
„Свят Ты, Господи,
вознёсший наше (человеческое) достоинство!“

Пророчество Аввакума о Богородице как о Горе Божией, осенённой благодатью
свыше (Аввакум 3: 2–19), воплощено в поэтике ирмоса четвёртой песни:

Ῥδὴ δ' Ὁ Εἰρμός

Ῥάβδος ἐκ τῆς ρίζης Ἰεσσαί,
καὶ ἄνθος ἐξ αὐτῆς Χριστέ,
ἐκ τῆς Παρθένου ἀνεβλάστησας·
ἐξ ὄρους ὁ αἰνετὸς,
κατασκίου δασέος
ἦλθες σαρκωθεὶς ἐξ ἀπειράνδρου,
ὁ ἄυλος καὶ Θεός.
Δόξα τῇ δυνάμει σου Κύριε.

Жезл из корене Иессеова,
и цвет от него Христе,
от Девы прозябл еси,
из горы хвальный
приосененныя чащи,
пришел еси
воплощься от неискусомужныя,
невещественный и Боже.
Слава силе Твоей Господи. Христос, Ты — отрасль от корня Иессея5
и цветок от него!

Прославленный,
Ты произрос от Девы —
от горы, осенённой прохладой лесной чащи.
Ты — бестелесный Бог —
пришёл (к нам),
воплотившись от не познавшей мужа (Марии).
Господь, слава силе Твоей!

По учению Церкви, послание к падшему человечеству Христа-Спасителя, примиряющего грешного человека со Святым Богом, было предопределено на предвечном (состоявшемся ещё до начала бытия мира) Совете Святой Троицы. Именно поэтому в пророчестве Исаии Христос назван Членом Совета и Начальником примирения (Исаия 9: 6). Пятый библейский гимн взят из той же книги Исаии (26: 9–20), в которой пророк из глубины ночного мрака (символ человеческого мира зла и греха) приветствует грядущий рассвет как образ пришествия Христа, дающего людям мир с их Создателем и свет познания истинного Бога-Отца:

Ῥδὴ εἴ. Ὁ Εἰρμός

Θεὸς ὦν εἰρήνης, | Πατὴρ οἰκτιρῶν,
τῆς μεγάλης βουλῆς σου τὸν Ἄγγελον,
εἰρήνην παρεχόμενον | ἀπέστειλας ἡμῖν·
ὄθεν θεογνωσίας,
πρὸς φῶς ὀδηγηθέντες,
ἐκ νυκτός ὀρθρίζοντες,
δοξολογοῦμέν σε φιλόανθρωπε.

Бог сый мира, Отец щедрот,
великаго совета Твоего Ангела,
мир подавающа послал еси нам:
Тем богоразумия
к свету наставляшесе,
от нощи утренююще,
славословим Тя Человеколюбче. Как Бог примирения и Отец сострадания,
Ты послал нам
Ангела великого Твоего Совета,
дарующего мир [т. е. примирение].
И мы, приведённые (Им) к свету боговедения,
бодрствуя с (глубокой) ночи,
славословим Тебя, Человеколюбец.

Замечательный пример тропаря-метафоры представляет ирмос шестой песни в его поэтической интерпретации шестого библейского гимна — молитвы пророка Ионы (Книга Ионы 2: 3–10). Как пророк чудесным образом избежал тления и смерти, на

три дня оказавшись в брюхе кита, так и Сын Божий Иисус, родившись от Девы Марии, непостижимо сохранил Её девство:

Ὡδὴ ς'. Ὁ Εἰρμός

Σπλάγχων Ἰωνᾶν,
ἔμβρυον ἀπήμεσεν
ἐνάλιος θήρ | οἶον ἐδέξατο·
τῇ Παρθένῳ δέ,
ἐνοικήσας ὁ Λόγος, καὶ σάρκα λαβῶν,
διελήλυθε φυλάξας ἀδιάφθορον·
ἥς γὰρ οὐχ ὑπέστη ρεύσεως,
τὴν τεκοῦσαν κατέσχευ ἀπήμαντον.

Из утробы Иону младенца
изблева морской зверь,
якова прият:
в Деву же всельшееся Слово
и плоть приемшее,
пройде сохраняющее нетленну:
егоже бо не пострада истления,
Рождшую сохрани неврежденну. Морское чудище, как новорождённого,
изрыгнуло из чрева Иону
таким же (невредимым), каким поглотило;
так и Бог-Слово, вселившись в Деву
и приняв плоть, вышел из Неё,
сохранив Её девство неповреждённым;
ибо не подвергшись тлению (Сам),
Он и родившую (Его) сохранил неповреждённой.

Поэтика ирмосов седьмой и восьмой песней канона обращается к образам гимна трёх еврейских подростков, своей непреклонной верой в единого Бога обративших жар пламени раскалённой печи в прохладу росы (Книга пророка Даниила 3: 26–88):

Ὡδὴ ζ'. Ὁ Εἰρμός

Οἱ Παῖδες εὐσεβεῖα συντραφέντες,
δυσσεβοῦς
προστάγματος καταφρονήσαντες
πυρὸς ἀπειλὴν οὐκ ἐκπτοήθησαν,
ἀλλ' ἐν μέσῳ τῆς φλογὸς
ἔστῶτες ἔψαλλον·
Ὁ τῶν Πατέρων | Θεός, εὐλογητὸς εἶ.

Отроцы, благочестию совоспитани,

злочестиваго веления небрегше,
огненнаго прещения не убоюшася,
но посреде пламене стояще пояху:
отцев Боже благословен еси. Воспитанные в почитании (истинного) Бога
отроки,
презрев безбожное приказание,
не испугались угрозы огня,
но стоя среди пламени, воспели:
„Благословен Ты, Бог отцов (наших)!“

Тропарь ирмоса восьмой песни — также метафора. Он прославляет Бога, чудесно сохранившего Марию от опаления огнём божественной природы Её Сына так же, как прежде сохранил трёх юношей в бушующем пламени печи вавилонской:

Ῥδὴ η´. Ὁ Εἰρμός

Θαύματος ὑπερφυοῦς ἢ δροσοβόλος,
ἔξεικόνισε κάμιнос τύπον·
οὐ γὰρ οὐς ἐδέξατο φλέγει νέους,
ὡς οὐδὲ πῦρ τῆς Θεότητος,
Παρθένου ἦν ὑπέδου νηδύν·
διὸ ἀνυμνοῦντες ἀναμέλψωμεν.
Εὐλογοεῖτω ἡ κτίσις πᾶσα τὸν Κύριον,
καὶ ὑπερυψοῦτω,
εἰς πάντα τοὺς αἰῶνας.

Чуда преестивеннаго
росодательная изобрази пещь образ:
не бо яже прият палит юныя,
яко ниже огонь Божества
Девы, в нюже вниде, утробу.
Тем воспевающе воспоем:
да благословит тварь вся Господа,
и превозносит во вся веки. Дающая прохладу (вавилонская) печь
прообразовала сверхъестественное чудо:
как она не сожгла брошенных в неё юношей,
так и огонь Божества
не обжѣг утробу Девы, сойдя в неё.
Поэтому прославляя (Бога), воспоем:
„Да благословит и превозносит Господа
всѣ (Его) творение во все времена!“

Наконец, ирмос девятой песни передаёт восхищение песнописца от созерцания дивной мистерии — явления Неба на земле при рождении Спасителя:

Ῥδὴ θ´. Ὁ Εἰρμός

Μυστήριον ξένον,
ὀρῶ καὶ παράδοξον!
οὐρανὸν τὸ σπήλαιον·
θρόνον Χερουβικόν, | τὴν Παρθένον·
τὴν φάτνην χωρίον·
ἐν ᾧ ἀνεκλίθη ὁ ἀχώρητος,
Χριστὸς ὁ Θεός·
ὄν ἀνυμνοῦντες μεγαλύνομεν.

Таинство странное вижу
и преславное:
небо, вертеп:
престол херувимский, Деву:
ясли, вместилище,
в нихже возлеже
невместимый Христос Бог,
Егоже воспевающе величаем. Вижу неслыханное
и невероятное [букв. парадоксальное] таинство:
пещера стала Небом;
Дева — херувимским Престолом (Бога);
ясли — вместилищем,
в котором возлежит
невместимый Бог — Христос,
Которого мы величаем, воспевая в гимнах.

Ирмосы второго рождественского канона — преподобного Иоанна Дамаскина — в большинстве храмов сегодня не исполняются. Канон этот написан византийским ямбическим стихом, и его прозаический славянский перевод не передаёт всей красоты этой высочайшего уровня церковной поэзии. В качестве задостойника (песнопения, заменяющего привычное „Достойно есть“ в праздничные периоды) на Божественной Литургии звучит лишь ирмос девятой песни канона Дамаскинаб, предваряемый припевом:

Μεγαλυνάριον

Μεγάλυνον ψυχῆ μου,
τὴν τιμιωτέραν, καὶ ἐνδοξοτέραν
τῶν ἄνω στρατευμάτων.

Κανὼν Ἰαμβικός. Ὡδὴ θ'. Ὁ Εἰρμός

Στέργειν μὲν ἡμᾶς, ὡς ἀκίνδυνον φόβῳ,
Ῥᾶον σιωπὴν, τῷ πόθῳ δὲ Παρθένε,

Ὑμνοὺς ὑφαίνειν, συντόνως τεθηγγένους,
Ἐργῶδες ἐστίν· ἀλλὰ καὶ Μήτηρ σθένος,
Ὅση πέφυκεν ἢ προαίρεσις δίδου.

Величай, душе моя,
честнейшую и славнейшую
горних воинств,
Деву пречистую Богородицу⁷. Душа моя, Ту возвеличь,
Которая достоинством и славой
превыше всех небесных сил —
святую Деву Богородицу.
Любити убо нам, яко безбедное страхом,
удобее молчание, любовь же Дево
песни ткати спротяженно сложенные
неудобно есть: но и Мати силу,
елико есть произволение, даждь. Сколь безопасней было б возлюбить
молчанье! —
Ведь очень трудно нам в любви к Тебе, о Дева,
Сплетать достойные и слаженные гимны...
Но Ты, как Матерь, дай на это столько силы,
Насколько есть у нас усердия и воли!

Примечания:

1 Современная акцентуация обоих слов приведена по справочнику: Полная акцентуированная парадигма по А. А. Зализняку: *Формы слов*. Однако по нормам орфоэпии славянского языка оба слова следует «ударять» на первом слоге (правило, мѣрило). Варианты с ударением на втором слоге появляются не ранее XVII–XVIII вв., очевидно, для снятия омонимии (правило–правúло, мѣрило–мѣрúло). См., напр.: „мѣрúло, а, ср. — Предмет, орудие для измерения“ (*Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.–Спб., 1984–2007...*).

2 См., напр.: *Le codex arménien Jérusalem 121: II. Édition comparée du texte et de deux autres manuscrits / Introduction, textes, traduction et notes par Athanase Renoux. Louvain, 1971 (Patrologia Orientalis. Vol. 36. Fasc. 2. № 168). Passim.*

3 NB: именно песней (от слав. «песнь»), а не песен (от рус. «песня»).

4 До конца IV–начала V вв. события Рождества и Крещения Христова в христианской Церкви составляли один праздник — Богоявления (τὰ Ἐπιφάνεια или Θεοφάνεια). Святитель Григорий именует этот праздник „святым днём Светов“ (ἡ ἀγία τῶν Φώτων ἡμέρα) — ср. с известным оборотом из Символа веры „Света от Света, Бога истинна от Бога истинна“. Последнее наименование — «праздник Светов» — удержалось в греческих и славянских богослужебных книгах как второе название праздника Богоявления (Крещения Господня).

5 Иессей — отец царя Давида, прародителя Богородицы.

6 В Греческой Церкви здесь исполняется ирмос 9-й песни первого канона Μυστήριον ξένον ὀρῶ καὶ παράδοξον!.. (Таинство странное вижу и преславное...).

7 Этот заключительный уточняющий оборот припева в греческом и древнерусском дониконовском текстах отсутствует.

что ещё почитать по этой теме

Скабалланович М. Н. Рождество Христово. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 104–143.

Киприан (Керн), архимандрит. Литургия: Гимнография и эротология. М., 1997. С. 40–53, 76–79.

Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 298–301.

Опубликовано с сокращениями и существенными искажениями: Головатенко Виталий, протоиерей. Ирмосы Рождества: история и перевод // Нескучный сад. №12 (59), декабрь 2010. С. 17–20. Исправленный сокращённый вариант статьи см. на сайтах «Православие и мир» и «БезФормата.RU».